

А. А. КОСТИН

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(Ссора М. М. Хераскова с И. Г. Рейхелем)

Эта заметка посвящена ссоре, произошедшей в конце 1765 г. между директором Московского университета М. М. Херасковым и профессором того же университета И. Г. Рейхелем, ставшей в начале 1766 г. предметом сенатского разбирательства.

Сам факт этой ссоры не является новостью: на нее впервые обратил внимание Г. А. Гуковский, упомянув в ряду других конфликтов директора университета и профессоров в середине 1760-х гг.;¹ позже ее вкратце описала, опубликовав использованную Гуковским протокольную запись и сославшись на один из послуживших источником для этой статьи документов, Н. А. Пенчко в «Материалах к истории Московского университета».² Документ этот — сенатский рапорт Екатерине II о рассмотрении соответствующего дела.³ Кроме того, мною было использовано до сих пор не привлекавшееся исследователями оригинальное дело Сената.⁴ Рапорт представляет собой преимущественно списанные, но с заменой прямой речи на косвенную, три письма из сенатского дела. Из-за появления косвенной речи некоторые места в рапорте крайне затемняются; разобраться в них помогает привлечение оригинального дела.

Восстанавливаемая по указанным документам фактическая канва ссоры такова:

4 декабря 1765 г. была собрана «чрезвычайная» профессорская конференция, на которой только что вернувшийся из Петербурга

---

¹ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1760 гг. Л., 1936. С. 194—196.

² Пенчко Н. А. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1962. Т. 2. С. 221, 309—310.

³ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 45.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 63. Д. 5499 (60).

Рейхель зачитал письмо сенатора Олсуфьева, в котором объявлялось высочайшее повеление профессорам, «чтоб они сочинили точному Императорского Московского университета положению и содержанию штат».⁵ На следующий день, 5 декабря, к Хераскову были присланы трое профессоров (Керштенс, Барсов и Лангер), потребовавшие от него, по его собственным словам, «в силу высочайшего повеления ордеров, писем и даже до касающихся дел уволенного от университета профессора Дилтея».⁶ Херасков с таким требованием не согласился, и именно этот отказ, различно трактуемый им самим и профессорским собранием, и послужил причиной ссоры и отчасти — сенатского разбирательства. Дело в том, что профессора в данном случае формально действовали, буквально следуя высочайшему повелению, в котором было указано, что штат должен был быть составлен профессорами, но ничего не говорилось об участии в его составлении директора. Херасков же посчитал, что подобные действия «имеют вид точной его смены».⁷ Высказывание Хераскова по этому поводу записано в протоколе профессорской конференции от 8 декабря следующим образом: «Удивлен де он, что от того профессорского сочинения он исключен, ибо де то неслыханное дело, чтоб исключая начальствующего подчиненным приказать о штате университетском делать определительное положение, и для де того он думает, что то высочайшее повеление дано не от Августейшей Монархини».⁸

Вот это сомнение в подлинности высочайшего повеления (или то, что профессора представили отказ Хераскова как сомнение в его подлинности) и послужило предметом сенатского разбирательства.

Сама ссора между Херасковым и Рейхелем произошла на очередной профессорской конференции, состоявшейся 10 декабря. Рейхель, зачитывавший 6 днями ранее профессорам письмо Олсуфьева, содержащее повеление о составлении штата, посчитал, видимо, что сомнение Хераскова в подлинности указа может быть расценено как указание на совершенный Рейхелем подлог. Сказано это сомнение было, по-видимому, не вполне вежливо, поскольку Херасков называет его «язвительными и подозрения исполненными словами»;⁹ впрочем, ответ самого Хераскова тоже нельзя назвать галантным, поскольку он сказал Рейхелю, что «речи его на крючки походят».¹⁰ Рейхель придрался к этим словам, решив, что «крючками» названо сообщенное им письмо. В результате этого препирательства, в котором приняли участие и другие профессора, и Херасков, и Рейхель

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 45. Л. 3 об.

⁷ Там же.

⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 63. Д. 5499 (60). Л. 7 об.

⁹ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 45. Л. 4.

¹⁰ Там же.

покинули собрание, причем Рейхель, заявляя, что «он не может тут быть, где против указа Августейшей Монархини оскорбительные слова произносятся»,¹¹ а Херасков — говоря, что «он пока удовольствия не получит, впредь с ним Рейхелем в собрании профессорском быть не может».¹²

Таким образом, суть конфликта заключалась в следующем: Херасков, ссылаясь на существующее российское законодательство, полагал, что невозможно составление штата подчиненными без участия непосредственного начальства (а то, что он видит профессоров своими подчиненными, он подтвердил собственными высказываниями на конференции 10 декабря: «директор, почитая от Рейхеля сие вопросом в присутствии, где себя признавал главным, объяснил, что от него Рейхелю не должно было того требовать»¹³). Профессора же, пытаясь, скорее всего, добиться в данном случае большей автономии профессорского собрания, обернули дело таким образом, что Херасков оказывался виновным в невыполнении высочайшего повеления — дело, подсудное Сенату.

Очевидная мелочность самого разбирательства отразилась в решении Сената по данному делу: «Сенат с неудовольствием слышать принужден был, что в ученом собрании вместо ожидаемой и должной государству пользы, разные беспорядки и членами вражды делаются».¹⁴ Куратору университета В. Е. Адодурову было указано сделать Хераскову выговор наедине, а Рейхелю — «при собрании всех профессоров».¹⁵

Между тем данное дело возможно рассматривать не только как частный конфликт, в котором проявилась вспыльчивость Рейхеля и Хераскова. Более интересным кажется тот факт, что этот эпизод свидетельствует о попытках московской профессуры в середине 60-х гг. XVIII в. добиться для себя большей независимости в управлении делами университета. И здесь важнейшим источником оказывается тот самый штат, с работой над которым и была связана описанная только что ссора. В период с 1765 по 1767 г. в Сенат было представлено несколько проектов штата университета,¹⁶ причем особенностью их в отношении директорской должности оказывалось следующее: профессорами предлагалось сменить должность назначаемого свыше чиновника-директора должностью избираемого из числа профессоров ректора. В проекте, представленном в 1765 г., это изменение объяснялось следующим образом: «До университета кроме наук и порядочного учреждения учений другие дела не принадлежат, по оному ему [Ректору. — А. К.] и должно быть из

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 63. Д. 5499 (60). Л. 8.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 7 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 45. Л. 6 об.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 41. Л. 165.

числа Профессоров, которые имея о науках и знатнейших в Европе университетах и о их учреждении и порядках довольно знание, с лучшим успехом и пользою, нежели директор, не имеющий в науках совершенного искусства, во всех до Университета принадлежащих учреждениях поступать <...> может».¹⁷

Видимо, именно знакомство с этим проектом и заставило Хераскова увидеть в просьбе о предоставлении нужных для составления нового проекта документов попытку «смены». Впрочем, ни проект 1765, ни проект 1767 гг. не были апробированы императрицей; директоров продолжали назначать.

---

¹⁷ Там же. Л. 178 об.—179.